

Л. Ф. Баранкевич

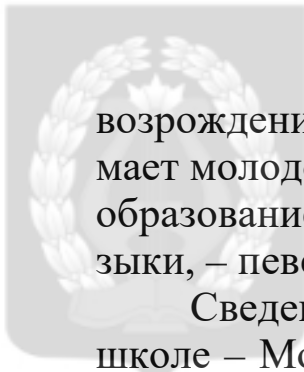
Роль монастырей в формировании лирницких школ в Беларуси

В статье рассматривается роль монастырей в формировании белорусских лирницких школ (Могилевской, Речицко-Лоевской, Слуцко-Солигорской и ряда других), анализируются духовные стихи и псалмы, созданные монахами и насельниками монастырей, обосновывается общность музыкально-поэтической стилистики духовных стихов различных лирницких школ и оригинальной стилистики монастырских монодий.

Введение. О белорусских лирницких школах в отечественной этномузыкологии достаточно мало данных. Лирницкая традиция в своем аутентичном виде безвозвратно исчезла из живой фольклорной практики со смертью последнего лирника. Однако в наши дни отдельные энтузиасты, в том числе музыканты-любители, активно включились в дело ее возрождения. 9 ноября 2018 г. в кабинете традиционных музыкальных культур Белорусской государственной академии музыки состоялась встреча с молодыми исполнителями на лире Д. Сухим¹, Е. Радивилловой², а также с С. Чубриком – мастером по изготовлению народных инструментов. Д. Сухой сообщил ценные факты о полесских лирниках из Октябрьского района. Молодой исполнитель активно включает в свой репертуар лирницкие песни, сам является мастером по изготовлению колесных лир (он создал свыше 35 инструментов). Активную позицию в деле

¹ Как оказалось, Д. Сухой спустя 60 лет продолжил дело своего двоюродного дедушки – слепого лирника Сидора Ждановича, уроженца деревни Грабье бывшей Рудобельской волости (в настоящее время – Октябрьский район). До 1941 г. Жданович ходил с лирой по деревням и местечкам Гомельской области (по словам Сухого, «он іграв, жонка вадзіла»), а во время Великой Отечественной войны выполнял функцию церковного старосты в своей деревне. По словам Сухого, в Рудобелке и до войны, и в конце 1940-х – начале 1950-х гг. ходили старцы с «лёрой». Среди местного населения даже бытовала поговорка, которой пугали детей: «Не будзеш есці – аддадзім старца́м». Судьба Ждановича типична для многих белорусских слепых лирников, погибших в годы войны. В 1944 г. он попал в Озаричский концлагерь, где подорвал свое здоровье. Через год после окончания войны он умер.

² Е. Радивиллова – музыкант-мультиинструменталист. По образованию – профессиональная флейтистка. Играет на флейте, гармони, скрипке, колесной лире, жалейке, дуде и др.

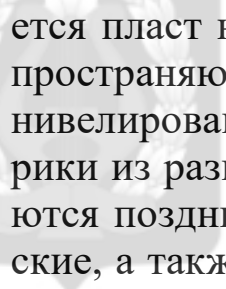
возрождения исполнительства на колесной лире в Беларуси занимает молодой музыкант-профессионал, получивший академическое образование в стенах Белорусской государственной академии музыки, – певец и инструменталист С. Долгушев.

Сведения о наиболее известной белорусской лирницкой школе – Могилевской – содержатся в этнографической литературе дооктябрьского периода. Прежде всего, это издания Е. Романова [17, 18] и А. Грузинского [7, 8]. В отдельных трудах этнографической направленности приводятся ценные сведения о таких региональных лирницких школах, как Слуцко-Солигорская [14], Витебско-Полоцкая [16], Речицко-Лоевская [7, 8] и др. Редкие сведения о лирниках из Гродненской губернии, собранные А. Богдановичем¹, мы находим на страницах «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края...» П. Шейна [21]. В современном отечественном этномузыкальном знании лирникам в связи с их инструментарием – колесной лирой – посвятила раздел своей монографии «Белорусские народные музыкальные инструменты: Струнные» известный белорусский ученый И. Назина [15, с. 72-84]. В 1990-х гг. вышла монография А. Скоробогатченко [20], которая включает раздел, посвященный колесной лире. В последние десятилетия изучением региональной специфики музыкальной стилистики духовных стихов, относящихся к различным лирницким школам, равно как и вопросами формирования лирницких школ в Беларуси наиболее последовательно занимается автор настоящей статьи [2–4].

Основная часть. В своем обозначении белорусских лирницких школ мы основываемся на сравнении территорий распространения условных «нищенских» языков с местностями, где было записано большое количество духовных стихов. Поиск, обозначение и картографирование конкретных лирницких школ осуществлялись на основе достаточно скудных сведений историков-этнографов XIX – начала XX в., а также данных, полученных в ходе фольклорных экспедиций (записей последних лет и более ранних записей известных белорусских этномузыкологов).

Безусловно, с каждым годом фиксация духовных стихов становится все более сложным делом. С другой стороны, увеличива-

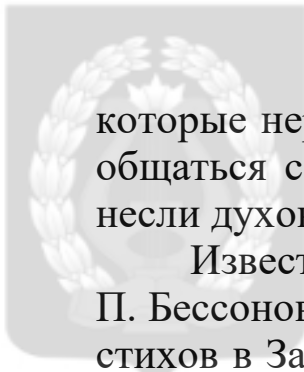
¹ Адам Егорович Богданович (1862–1940), отец белорусского поэта Максима Богдановича, служил в одном из отделений Крестьянского поземельного банка в Гродно. Именно в этот период им и были сделаны этнографические записи, присланные затем Шейну.

ется пласт новых, авторских духовных стихов, которые часто распространяются посредством глобальной сети Интернет, что ведет к нивелированию различий в репертуаре исполнителей духовной лирики из разных регионов. Фактически повсеместно в наши дни поются поздние агиографические, апокалиптические и эсхатологические, а также покаянные духовные стихи, которые певицы записывают в рукописные тетради, причем часть стихов заимствуется из интернет-источников.

В настоящее время при решении вопроса, связанного с обозначением лирнических школ, необходимо учитывать не только уже имеющиеся данные, но и сведения о бытовании на белорусских территориях монастырей. Ведь изначально появление такого вида музыкально-поэтического эпоса, как духовный стих, во многом было связано с определенной средой, в которой были свои устойчивые правила поведения, обычаи и законы. Речь идет о монастырях – духовных центрах, притягивавших не только наиболее грамотных, художественно и музыкально одаренных людей, философов, писателей и мыслителей, связавших свой земной путь с монастырским служением, но и многочисленных нищих, калек (калик перехожих), убогих, странников, позже – слепых лирников и др. Эта социальная прослойка, жизнь которой теснейшим образом соединилась с монастырем (уже с самых первых веков принятия христианства на наших землях), стала тем творческим сообществом, которое породило целый пласт духовной эпики, а позже – духовной лирики.

Уже первые исследователи духовных стихов говорили об их создании в особой социальной среде людей, тесно связанных с церковным (монастырским) бытом. Интересные сведения находим в статье Е. Аничкова: «По очевидному влиянию книжному на состав духовных стихов, надобно полагать, что они обязаны своим происхождением не просто народу вообще, а избранной массе» [1, с. 186]. Далее Аничков пишет о существовавшем на Руси запрещении «ходить на богомолье бедным людям. Только при распространении богомолья могло возникнуть такое увещание. А среди прочих Псевдо-Владимиров устав считает *церковными людьми еще слепца, хромца, калеку* (курсив мой. – Л. Б.)» [Там же]. Многочисленные списки Владимирова устава известны уже с XIII в., поэтому с полным правом можно утверждать, что исполнение духовных стихов *изначально* было связано с особой социальной группой людей. Естественно предположить, что именно нищие странники,

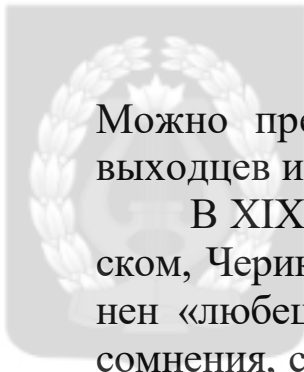
которые нередко находили пристанище в монастырях и могли там общаться с их насельниками, становились теми людьми, которые несли духовные стихи в крестьянскую среду.

Известный русский историк, филолог, фольклорист, писатель П. Бессонов высказал интересное предположение о зарождении стихов в Западной Болгарии: «...эта сторона, особенно округ Битоля или Битоль¹... есть классическая сторона певцов и связанных с ними стихов; оттуда, от бывшего монастыря св. Николая, коим некогда славился город, расходятся они толпами по смежным краям Сербии и Болгарии» [5, с. 581]. О балканском влиянии на белорусский знаменный распев в XV в. неоднократно писала Л. Костюковец в своих работах, посвященных периодизации знаменного распева.

В статье «Беларускі рукапісны ірмалой» Костюковец называет отдельные локальные распевы, которые на протяжении XVI–XVII вв. получили широкое распространение в певческой практике на белорусских землях: супрасльскі, слуцкі, могілеўскі, мірскі, кутейнскі, несвіжскі [см. об этом: 10, с. 150]. В вышедшем позднее «Музычным слоўніку беларуска-рускім / Музыкальным словаре русско-белорусском» она приводит яркие примеры белорусского, слуцкого, виленского, могилевского, «кутейнска слогу», жировицкого, мирского «напелов» [13, с. 552-555, прим. 23]. Несложно заметить, что большинство названий локальных распевов совпадают с названиями крупных монастырских центров; в качестве самостоятельных они оформились именно в конкретных монастырях. Это же касается и исследуемых в данной статье лирницких школ – Могилевской, Витебско-Полоцкой, Слуцко-Солигорской.

К наиболее известным из них относится Могилевская лирницкая школа. Молва об искусстве «могилевских дедов» доходила до берегов Волги. К тамошним лирникам приходили учиться музыканты с прилегающих к Беларуси территорий России и Украины. Изучая различные этнографические данные о лирниках, можно сделать вывод о том, что название «могилевская школа» является достаточно условным и обобщенным и включает, скорее всего, несколько локальных лирницких школ на территории бывшей обширной Могилевской губернии (Могилевского Поднепровья).

¹ Битола – в наши дни культурный, духовный и просветительский центр в современной Северной Македонии (на македонском языке «битоль» обозначает «монастырь, обитель»).

Можно предположить, что «могилевцами» называли лирников-выходцев из бывлой Могилевской губернии.

В XIX – начале XX в. в Мстиславльском, Чаусском, Климовичском, Чериковском поветах Могилевской губернии был распространен «любецкий лемент» (условный язык нищих). Эти районы, без сомнения, связаны с Могилевской лирницкой школой («могилевскими дедами», «могилевцами»), что подтверждается большим количеством духовных стихов, зафиксированных там и опубликованных в изданиях Е. Романова и П. Шейна. Так, в «Очерке быта нищих...» Романов отмечает старецкие¹ школы современных Гомельской и Могилевской областей, ранее находившиеся в д. Жеребня² Гомельского уезда, в м. Городец и с. Залесье Рогачевского уезда, в м. Хотовиж Климовичского уезда, в д. Пнево Могилевского уезда, в Павловичской волости (бывший Могилевский уезд, ныне – территория Круглянского района Могилевщины) [см.: 18, с. 118-145]. Популярной в лирницкой среде была Чаусская богадельня. К могилевской школе относится и большая часть записей из современной Гомельской области (бывших Гомельского уезда Могилевской губернии, Речицкого и Мозырского уездов Минской губернии) – духовные стихи из Кормы, Рогачева, Чечерска, Речицы и их окрестностей.

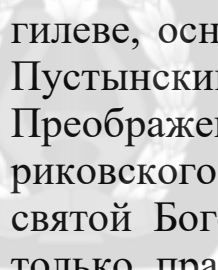
К началу XX в. на территории Могилевской губернии насчитывалось 8 мужских и 6 женских обителей. Надо учесть, что административные границы губернии изменились с течением времени. Поэтому могилевскими старцами ранее могли называть лирников – жителей той части Могилевской губернии, которая позже вошла в состав современных Витебской, Смоленской, Брянской областей.

Практически в каждом монастыре имелась чудотворная икона, на что указывают исторические документы. Такие иконы становились объектом притяжения верующих, к ним обращались страждущие исцеления от болезней, ищущие помощи и поддержки люди. Среди них – больные, калеки, определенный процент которых составляли и слепые лирники.

Среди монастырей, расположенных на территории Могилевской губернии, отметим Богоявленский братский монастырь в Мо-

¹ В Могилевской губернии лирников обычно называли «старцами», и эта традиция сохранилась до наших дней. Неслучайно Е. Романов в своем очерке пишет о «старецких» школах в конкретных деревнях Могилевской губернии.

² В наши дни – д. Чкалово Гомельского района.

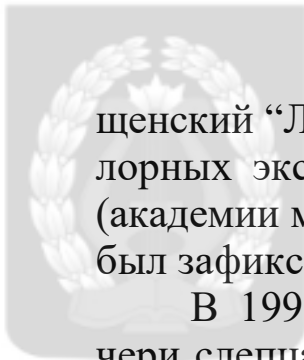

гилеве, основанный в 1633 г. по почину Яна Огинского, мужские Пустынский Свято-Успенский в Мстиславле и Охорский Спасо-Преображенский, находившийся на территории современного Чериковского района. Мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы в Бельничках славился особо почитаемой не только православными, но и католиками чудотворной Бельничской иконой Божией Матери.

Таким образом, в крупных православных обителях собирались богомольцы, старцы-слепцы, лирники не только со всей округи, но и из более отдаленных мест. Могилевские монастыри были «местом встречи» для представителей нищей братии – своеобразных нищенских артелей, в среде которых использовался условный язык – так называемый «любецкий лемент». Наличие крупных монастырей становилось фактором, способствовавшим более активному песнетворчеству в лирнических кругах.

О существовании в прошлом Речицко-Лоевской лирнической школы свидетельствуют работы А. Грузинского. Сами лоевские лирники не причисляли себя к «могилевцам», так как хорошо понимали свое отличие от последних [см. об этом: 8]. Духовные стихи, созданные лирниками Речицко-Лоевской школы, вобрали в себя стилистические черты, характерные не только для могилевской школы, но и для украинско-белорусского пограничья. Ведь по административному делению земли современного Речицкого района входили в состав Черниговской губернии, где также отмечено большое количество старцев и лирников. Непростая конфессиональная обстановка на территории современной Гомельщины не способствовала возникновению единой школы со своим центром. На сравнительно небольшой территории соседствовали католики (Иезуитский коллегиум и бернардинский монастырь в Юровичах), православные (монастыри Черниговщины), а также старообрядцы Ветки и достаточно близкого к ней Стародубья. Неслучайно именно на территории между Речицей и Лоевом было зафиксировано большое количество старообрядческих стихов, среди сочинителей которых, вероятно, были и насельники старообрядческих обителей Ветки.

Говоря о Слуцко-Солигорской лирнической школе, отметим отличие нищенского языка семежевских жебраков (м. Семежево Слуцкого повета Минской губернии) от языка представителей «любков» из Могилевской губернии. О лирниках и их репертуаре в окрестностях Слуцка писал С. Малевич в статье «Белорусский ни-

щенский “Лазарь”»¹ [14]. Именно в данном регионе во время фольклорных экспедиций Белорусской государственной консерватории (академии музыки) под руководством Л. Костюковец в 1970–90-е гг. был зафиксирован целый ряд духовных стихов.

В 1991 г. автором статьи были записаны воспоминания дочери слепца-лирника Матрены Ивановны Михновец (1930 г. р.) из д. Ананчицы Солигорского района Минской области. До Великой Отечественной войны она вместе со своим отцом – Иваном Сорокиным – ходила по деревням, помогала ему петь и собирать милостыню. По ее свидетельству, отец учился в лирницкой школе где-то в окрестностях Слуцка, недалеко от Старобина.

В связи со Слуцком необходимо отметить деятельность Свято-Троицкого монастыря. Л. Шпаковская, белорусская исследовательница Жировицкого Ирмологиона первой половины XVII в.², замечает, что наличие слуцкого роспева в данном Ирмологионе – достаточно редкое явление. Подобное обозначение роспева встречается буквально в единичных рукописях [22]. Однако само указание, скорее всего, говорит о возникновении роспева в монастырской обиходной практике Случчины. Возможно, напев (роспев, напел), встречающийся на страницах отдельных рукописных Ирмологионов (Ирмологоев), был создан именно монахами Слуцкого Свято-Троицкого монастыря.

Слуцк, как указывается в «Описании церквей и приходов Минской епархии», – «единственный из городов Северо-Западного края, который в продолжение двух веков терпеливо выдержал весь гнет католицизма и был сильною твердынею православия...» [19, с. 4]. Цехи профессиональных нищих и лирников существовали здесь уже со 2-й половины XVII и в XVIII в. Многочисленные местечки (среди которых в XVI в. называются Дороги, Любань, Петриков, Песочное, Ленин, Семежево, Тонва /Тоново/) притягивали

¹ Среди сел, где бытует лирницкая традиция, Малевич называет д. Лоцвины (Лотвины, Латвины, Лотыши) Телядовичской волости Слуцкого уезда, д. Васильчицы Тимковской волости, а также особо выделяет с. Телядовичи и м. Ляховичи Слуцкого уезда, где еще на рубеже XIX – XX вв. изготавливали лиры. По данным этнографа, в Ляховичах жил прекрасный певец – «некий лирник Флёрник». В настоящее время деревни Лотвины, Телядовичи, Васильчицы относятся к Копыльскому району Минской области. Бывшее м. Ляховичи Слуцкого уезда в наши дни – центр одноименного района Брестской области [см.: 14, с. 110].

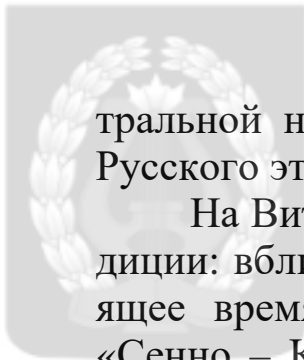
² Хранится в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (отдел старопечатных и редких изданий, ф. 1, № 3367).

во время праздников, ярмарок не только торговцев и крестьян-покупателей, но и бродячих слепых музыкантов. Их пение на площадях и папертях церквей в первой половине XX в. не было редкостью. Интересный факт: еще в XVI в. к Слуцкому Свято-Троицкому монастырю были приписаны деревни Пуховичи, Редковичи, Шипиловичи, Яминск, Убибахи. Любопытно название последней деревни. Сегодня в экспозиции Солигорского краеведческого музея представлено фото нищих – «старцоў» из д. Убибатьки (Убибачки, Убибаки, Убибацки, сейчас – д. Калиновка). На нем мы видим слепого лирника, вероятно, с семьей, члены которой выступают в роли поводырей слепого музыканта (фото из экспозиции Солигорского краеведческого музея):

Наличие повозки с лошадыю может говорить о достаточной обеспеченности лирника; часто лирники относились к довольно состоятельным представителям деревенской общины. Так, о своем отце М. Михновец сказала: «У нашаго бацька – ён быў адзін у бацькоў – поля многа было», а для того, чтобы пройти обучение лирницкому искусству, его родители отдали корову, что говорит о достатке в семье. Сведения об обеспеченности отдельных лирников мы встречаем также у А. Грузинского: «Другой имеет надел, пару волов, ведет хозяйство с помощью матери и сестер, принимая соседей на отдельные работы, а кое-что делает и сам; этот летом не ходит по миру» [8, с. 149].

Ценную информацию несет запечатленный на фото инструмент в руках слуцкого лирника. Лиры с подобным корпусом, близким скрипичному, представлены в экспозициях Солигорского краеведческого музея, фототеки отдела редких книг и рукописей Цен-

тральной научной библиотеки им. Якуба Коласа НАН Беларуси, Русского этнографического музея (Санкт-Петербург).

На Витебщине существовало несколько очагов лирницкой традиции: вблизи Витебска, Полоцка и на север до м. Себеж (в настоящее время – территория Псковской области России). Регион «Сенно – Крупский район – часть Борисовского района и запада Могилевской области» – еще один крупный очаг лирницкой традиции. В своем литературно-этнографическом труде «Старцы» Н. Никифоровский называет села, прославившиеся своими лирниками – Вымно, Котово, Тадулино, Фалковичи, Яновичи (Витебский район); Кармалисы, Махирово (Полоцкий район); Велешковичи, Замшино, Колышки (Лиозненский район); Сиротино, Жеребычи (бывший Витебский уезд; в наши дни – д. Слобода Шумилинского района); Борковичи Дриссенского уезда. Многие из указанных Никифоровским деревень в XVIII – начале XIX в. принадлежали «багамольцам», причту, т. е. были приписаны к монастырям или церквям (Велешковичи, Фалковичи, Вымно, Котово). Отдельные деревни ранее являлись собственностью католических орденов (например, д. Махирово принадлежала Базилианскому ордену). На страницах своего исследования Никифоровский описывает старца Симона как талантливого лирника, а среди деревень особо выделяет Махирово, где в старцах ходили все – от мала до велика. Жителей деревни называли «махировские старцы». Обобщая данные Никифоровского и основываясь на наших фольклорных записях, можно условно выделить Полоцкую, Витебскую, Себежскую лирницкие школы.

Без сомнения, наиболее крупным центром притяжения богомольцев в бывшей Витебской губернии являлся старейший женский Спасо-Евфросиниевский монастырь в древнем Полоцке, связанный с именем преподобной Евфросинии Полоцкой. Как отмечают исследователи, он был основан в 1125 г. княжной Полоцкой Предиславой, принявшей в монашестве имя Евфросинии. Строительство каменных зданий церкви, основание первоначально мужского монастыря, принесение иконы Одигитрии Эфесской произошло позже – к 1155 г. Несмотря на сложную судьбу, «переход» из православия в униатство и обратно, полоцкие монастыри притягивали многочисленных паломников. Долгое время бесценной реликвией, памятью о просветительской деятельности преподобной Евфросинии в монастыре являлся крест Лазаря Богши, изготовленный им в 1161 г. по просьбе Евфросинии. Без сомнения, наличие такого количества артефактов не могло не вызывать в душах верующих осо-

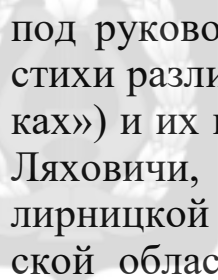
бых чувств. Поэтому поток богомольцев не уменьшался, а в дни празднования памяти Преподобной Евфросинии – 23 мая (5 июня по новому стилю) – был неиссякаемым.

В Полоцке же находился Борисоглебский Бельчицкий монастырь, также один из старейших монастырей на белорусских землях. Он был основан в XII в. полоцким князем Борисом в качестве мужской обители. По предположению историка и археолога Л. Алексева, монастырь являлся творением зодчего Иоанна. С течением времени обитель стала женской. Как и многие другие белорусские монастыри и церкви, после Брестской унии 1596 г. долгое время монастырь был в ведении униатов. Здесь же, в Полоцке, находился и Богоявленский необщежительный мужской монастырь, деятельность которого была возобновлена в 1633 г. благодаря князьям Огинским. В этой обители хранилась почитаемая Иверская икона Божьей Матери.

Пунктом паломничества для многочисленных верующих также становились и другие монастыри Витебской епархии. Так, Свято-Троицкий Марков мужской монастырь (Витебск), хранивший икону Казанской Божьей Матери (дар патриарха Никона), существовал, как минимум, до 1576 г., а с 1633 г. был восстановлен в качестве православного при посредничестве Льва Самуила Огинского [см. об этом: 9, с. 67].

Мужской Кутеинский Богоявленский монастырь (близ Орши), основанный в 1623 г. шляхтичем Богданом Стеткевичем и его женой Еленой, стал на долгие годы духовным и образовательным центром севера Могилевской губернии (современной Витебской области). В 1626 г. монастырь был освящен митрополитом Петром Могиллой. В период первой трети – середины XVII в. в нем функционировали типография, основанная Спиридоном Сободем, братская школа, богатейшая библиотека с изрядным количеством певческих книг, которые после переселения большей части братии в Иверский Валдайский монастырь Московского царства перешли под юрисдикцию патриарха Никона, проставившего свою печать на книгах из библиотеки Кутеинского монастыря. По словам патриарха Никона, Богоявленский монастырь, который в самом начале своего существования являлся лаврой, «был главою общежития во всей Белоруссии и Литве» [цит. по: 9, с. 383].

В современной Брестской области на территории Кобринского, Дрогичинского, Ляховичского, Березовского, Малоритского районов собирателями прошлого, а также участниками фольклорных экспедиций Белорусской государственной академии музыки

под руководством Л. Костюковец были зафиксированы духовные стихи различных жанров, свидетельства о старцах (нищих, «жабраках») и их инструментарии – лире, гармонике. О бывшем местечке Ляховичи, которое находилось под сильным влиянием Слуцкой лирницкой традиции, речь уже шла. Юго-Западный регион Брестской области ранее ощущал на себе сильное влияние крупных монастырей – Свято-Успенского Жировичского (Беларусь), Супрасльского Благовещенского (современная Польша), а также Почаевского (ныне Свято-Успенская Почаевская лавра /Украина/). Каждый монастырь притягивал многочисленных паломников. Достаточно длительное время эти духовные центры находились в ведении униатов, что, конечно, не могло не сказаться на формировании региональных лирницких школ. С каждым монастырем была связана активная деятельность братьев-базилиан – членов монашеского католического Базилианского ордена. Именно базилиане стали авторами многочисленных псалм и поздних (авторских) духовных стихов, религиозных песен, часть из которых была опубликована в Почаевских богогласниках. Так, Л. Костюковец в монографии «Кантовая культура в Белоруссии» отмечает целый ряд псалм из Почаевского богогласника 1805 г., авторами которых указаны монахи-базилиане. Опираясь на данные исследовательницы [см.: 12, с. 44, сн. 131]¹, мы приводим инципиты песнопений сочинения монахов-базилиан из Почаевского богогласника 1790 г.:

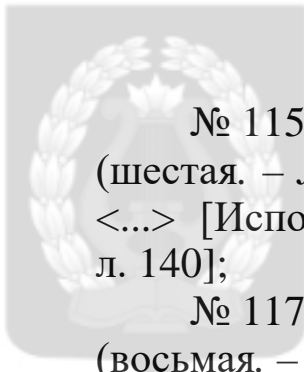
№ 42 – «Изыйдете дщери Сионския» – «Песнь на Неделю \tilde{D} (четвертая – Л. Б.). Великопостную о Страстях Иисус Христовых. Творение инока чину с. Василия» [6, л. 50 об.]²;

№ 46 – «Wydrzy, kto masz serce z kamienia» – «Pieśń II na Wielki Piątek. O Męce Pana Jezusa. Dzieło Zakonnika Bazyliana» [6, л. 56];

№ 110 – «Многими усты гласи» – «Песнь \tilde{a} (первая. – Л. Б.). Пресвятей Богородице. Чудотворной во святой обители Почаевской. Року $\overline{a\psi o\gamma}$ (1773. – Л. Б.). Ватиканскими диадимами народно увенчанней. Творение инока чину с. Василия В.» [6, л. 133];

¹ По поводу данных псалм Л. Костюковец пишет: «Авторами их, как правило, являлись лица, принадлежавшие к Базилианскому ордену. Например, № 42, 110, 112, 116, 118, 122, 123, 124 и т. д. из “Почаевского богогласника” (1805 г.) принадлежат инокам “чину святого Василия Великого”, о № 146, 119, 120, 121 сказано: “Dzieło Zakonnika Bazyliana”, т. е. “творение инока чину св. Василия Великого”» [12, с. 44, сн. 131].

² В статье мы даем фолиацию по изданию 1790 г.

№ 115 – «Пречистая Дево Мати русскаго краю» – «Песнь \hat{S} (шестая. – Л. Б.). Пресвятей Богородице Чудотворной Почаевской. <...> [Исполняется на] тон обычный песни Подкамянецкия» [6, л. 140];

№ 117 – «Ныне прославися Почаевская скала» – «Песнь $\hat{И}$ (восьмая. – Л. Б.). Пресвятей Богородице Чудотворной Почаевской. Творение инокa чину с. Василия В.» [6, л. 142 об.];

№ 118 – «*Naymilsza niebioś, i ziemi Ozdobo*» – «*Pieśń Najsświętszey Maryi Pannie Cudotworney. <...> Dzieło Zakonnika Bazylia*n»¹ [6, л. 144 об.];

№ 119 – «Помози нам, Христе Боже» – «Песнь Пресвятой Богородице Чудотворной в обители Поддубецкой² <...> творение инокa того же чину» [6, л. 146];

№ 120 – «*Królowa niebioś Pani*» – «*Pieśń Nays. Maryi Pannie*³. <...> *Dzieło Zakonnika Bazylia*n» [6, л. 148];

№ 121 – «Мати света многопета небес оздобо»⁴ – «Творение инокa тогожде чину. Тон зри на Рождество П. Богородицы. Число 81⁵» [6, л. 149];

№ 122 – «*Boga wierni holdownicy*»⁶ – «*Dzieło Zakonnika Bazylia*n» [6, л. 151];

№ 123 – «Тройцы четцы христиане» – «Песнь Пресвятой Богородице, обители Тригорской. <...> Благодатми сияющей» [6, л. 152 об.];

№ 124 – «*Źródło Lask*»⁷ – «*Maryi Pannie. <...> Dzieło Zakonnika Bazylia*n». Составителем дано указание на мелодию псалмы: № 118 [6, л. 153 об.];

№ 125 – «Лети давну з чудес славному» – «Песнь Пресвятей Богородице из обители Зімнянской⁸. <...> Творение инокa тогожде чина» [6, л. 154].

¹ Составитель «Почаевского богогласника» отмечает, что напев псалмы – из Загоровского монастыря (Волынь).

² В наши дни – с. Поддубцы Луцкого района на Волынщине (Украина).

³ Образу Богородицы из Кременецкого монастыря.

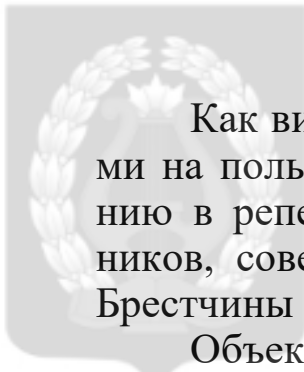
⁴ Чудотворной иконе Пресвятой Богородицы Подгорецкой обители.

⁵ В данном Почаевском богогласнике № 81 – рождественская псалма «Светло небо со ангелы веселися днесь».

⁶ Образу Богородицы из Белостоцкого монастыря.

⁷ Исполняется на напев Загаецкого монастыря.

⁸ Зимненский монастырь считается одним из самых ранних, возникших на территории современной Украины. Об обители под названием «Святая гора» писал Нестор еще в конце IX в.

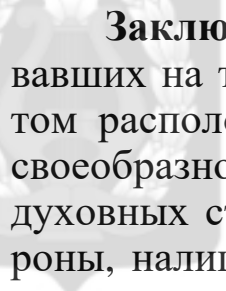

Как видим, часть псалм была написана монахами-базилианами на польском языке, что никак не способствовало их закреплению в репертуаре православных белорусских и украинских лирников, совершавших паломничества в монастыри Юго-Западной Брестчины и Волыньщины.

Объектом нашего рассмотрения стали также фольклорные и этнографические материалы из Вороновского, Ивьевского, Дятловского, Мостовского, Новогрудского, Сморгонского, Ошмянского, Островецкого, Лидского районов Гродненской области (бывшей Гродненской губернии). Тут зафиксировано гораздо меньше духовных стихов. Возможно, это связано с мощным влиянием польской культуры и католицизма, обусловивших изменение лирницкого репертуара. Вместо духовных стихов и псалм лирники стали исполнять польские кантычки. В фондах кабинета традиционных музыкальных культур Белорусской государственной академии музыки хранятся записи с многочисленными рассказами и воспоминаниями о лирниках прошлого, которых в Западной Беларуси часто называли жабраками. Сведения об исполнении духовных стихов лирниками относятся к периоду 1940–50-х гг.

Один из наиболее известных монастырей бывшей Гродненской губернии – Борунский (д. Боруны Ошмянского р-на) – долго принадлежал базилианам и славился чудотворной Борунской иконой Матери Божией. Роль базилиан в создании поэтических текстов духовных стихов и псалм трудно переоценить. Как отмечалось ранее, в первых печатных богогласниках обязательно отмечено авторство анонимных братьев-базилиан. Таким образом, православный репертуар и сама лирницкая традиция не получили широкого распространения на западных белорусских землях.

Отметим и факт наличия нескольких лирницких школ на территории белорусско-украинского Полесья. Здесь, по многочисленным свидетельствам, устанавливались тесные контакты белорусских лирников с украинскими братьями по цеху, а также кобзарями и бандуристами. Подобные контакты между белорусскими и русскими лирниками фиксировались также на пограничных территориях Могилевской, Гомельской, Витебской и, соответственно, Брянской, Смоленской, Псковской областей. Так, на Смоленщине существовала сильная лирницкая традиция в окрестностях м. Велиж, причем Велижская школа является близкой к Могилевской. Функционирование названных в настоящей работе лирницких школ подтверждают фольклорные записи XIX – начала XX в., а также информация, собранная во время проведения современных экспедиций.

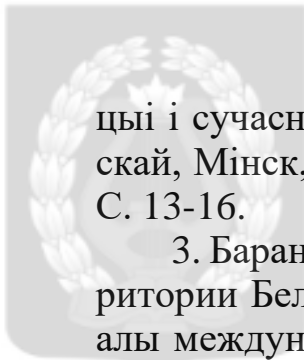

Заключение. Таким образом, определение ареалов существовавших на территории Беларуси условных лирницких школ с учетом расположенных там монастырей позволяет сделать вывод о своеобразной амбивалентности влияния монастырей на бытование духовных стихов и лирников в конкретном регионе. С одной стороны, налицо сильное стремление народных музыкантов к наиболее мощным духовным центрам на белорусских землях, что выразилось в возникновении большого количества лирницких школ на территории современных Могилевской, Витебской, Минской областей. Традиция проведения крестных ходов с обязательным исполнением песен на духовную тематику была важным моментом в обогащении лирницкого репертуара и его «трансляции» в локальной лирницкой среде, а также среди простого народа. Обряды, зафиксированные на территории бывшей Могилевской губернии (как, например, «Свеча», где в качестве свечи выступала местная почитаемая икона¹), с обязательными крестными ходами, пением духовных стихов и псалм, также способствовали привлечению большого количества лирников на деревенские праздники. С другой стороны, наличие мощного духовного центра могло «перекрывать» распространение и бытование лирницкого репертуара, оформление локальных лирницких школ на конкретной территории в том случае, если в данном духовном центре – монастыре – изменялась конфессиональная ситуация. Чаще всего это было связано с переходом крупных монастырей на юго-западе Беларуси и Украины в униатство. Такая конфессиональная «переориентация» выразилась, с одной стороны, в увеличении авторских псалм в лирницком репертуаре, с другой – в уменьшении количества лирницких школ на указанной территории, чему также способствовало распространение на данных землях католичество. Это еще раз подчеркивает гипотезу П. Бессонова о влиянии преимущественно православия на распространение духовных стихов и становление лирницких школ.

Список использованных источников

1. Аничков, Е. Из прошлого калик перехожих / Е. Аничков // Живая старина. – 1913. – № 22. – С. 185-200.
2. Баранкевіч (Шамсутдзінава), Л. Аб распаўсюджанні беларускіх духоўных вершаў: да праблемы лірніцкіх школ на тэрыторыі Беларусі / Л. Баранкевіч (Шамсутдзінава) // Музычная культура Беларусі: трады-

¹ В ряде случаев вместо иконы могла использоваться большая, специально изготовленная свеча (или несколько свечей, например три).

цы і сучаснасць: тэз. дакл. IV Навук. чытанняў памяці Л. С. Мухарынскай, Мінск, 5 крас. 1995 г. / Беларус. акадэмія музыкі. – Мінск, 1997. – С. 13-16.

3. Баранкевич, Л. Жанровый состав лирического репертуара на территории Беларуси / Л. Баранкевич // Музыка устной традиции: материалы междунар. науч. конф. памяти А. В. Рудневой: сб. науч. тр. / Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского; ред. Н. Гилярова. – Сб. 27. Ч. 2: Музыка устной традиции. К современным методам изучения фольклорных явлений. – М., 1999. – С. 307-311.

4. Баранкевич, Л. Ф. Некоторые аспекты появления и распространения колесной лиры в странах Европы / Л. Ф. Баранкевич // Музыкальная культура Беларусі і свету: традыцыі вуснай і пісьмовай творчасці: зб. навук. пр. / Беларус. дзярж. акадэмія музыкі. – Вып. 35. – Мінск, 2015. – С. 120-131.

5. Бессонов, П. Калеки перехожие: сборник стихов и исследование: в 6 вып. / П. Бессонов. – М.: Тип. А. Семена; Тип. Бахметева, 1861–1864. – Вып. 4–6. – 1864. – 892 с.

6. Богогласник: песни благоговейны праздникам Господским, Богородичным и нарочитых святых чрез весь год приключаящимся, к сим же некоторым чудотворным иконам служащие, таже различные покаянные и умиленные содержащ. – Почаев: Тип. Чудотворной лавры Почаевской, 1790. – 584 с.

7. Грузинский, А. Духовные стихи Минской губернии Речицкого уезда / А. Грузинский // Этнографическое обозрение. – 1898. – № 3. – С. 148-156.

8. Грузинский, А. Из этнографических наблюдений в Речицком уезде Минской губернии / А. Грузинский // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 4. – С. 142-156.

9. Денисов, Л. Православные монастыри Российской империи / Л. Денисов. – М.: Издание А. Д. Ступина, 1908. – 985 с.

10. Касцюкавец, Л. Беларускі рукапісны ірмалой / Л. Касцюкавец // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: новыя даследаванні: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. С. Марцэлеў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – С. 149-154.

11. Касцюкавец, Л. Царкоўная музыка / Л. Касцюкавец // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск, 2003. – Т. 17. – С. 86-87.

12. Костюковец, Л. Кантовая культура в Белоруссии. Массовые канты-гимны, лирические канты-псалмы / Л. Костюковец. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 96 с.

13. Костюковец, Л. Роспевы белорусские. Роспевы беларускія / Л. Костюковец // Музыканы слоўнік беларуска-рускі. Музыкальны слоўвар русско-белорусский. – Мінск: Бел. навука, 1999. – С. 175; 436.

14. Малевич, С. Белорусский нищенский «Лазарь» / С. Малевич // Живая старина. – 1906. – Вып. 2. – С. 109-114.

15. Назина, И. Белорусские народные музыкальные инструменты: Струнные / И. Назина. – Минск: Наука и техника, 1982. – 120 с.

16. Никифоровский, Н. Очерки Витебской Белоруссии: в 2 ч. / Н. Никифоровский. – М.: Тов-во А. А. Левенсон, 1892. – Ч. 1: Старцы. – 36 с.

17. Романов, Е. Белорусский сборник: в 9 вып. / Е. Романов. – Витебск: Типо-литогр. Г. А. Малкина; Вильно: Тип. «Рус. почин», 1891–1912. – Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи. – 1891. – 448 с.

18. Романов, Е. Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык («любецкий лемент») / Е. Романов // Этнографическое обозрение. – 1890. – № 4. – С. 118-145.

19. Серно-Соловьевич, Ф. Древнерусский город Слуцк и его святыни: истор. очерк / Ф. Серно-Соловьевич. – Вильня: Тип. А. Г. Сыркина, 1896. – 38 с.

20. Скорбагатчанка, А. Беларускія народныя музычныя інструменты ХХ стагоддзя: вучэб. дапам. / А. Скорбагатчанка. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 397 с.

21. Шейн, П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок: в 3 т. / П. Шейн. – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1887–1902. – Т. 2: Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. – 1893. – 716 с.

22. Шпаковская, Л. Музыкально-стилевые особенности «розных» напевов Херувимской песни в Жировицком Ирмологийоне первой половины XVII в. / Л. Шпаковская // Весці Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. – 2017. – № 30. – С. 95-101.

Summary

The article examines the role of monasteries in the formation of Belarusian lyre schools (those of Mogilev, Rechitsa–Loev, Slutsk–Soligorsk and a number of others); analyzes spiritual poems and psalms created by monks and inhabitants of monasteries; substantiates the commonality of musical and poetic style of spiritual poetry of various lyre schools and original stylistics of monastic monodies.

Статья поступила в редакцию 14.04.2021